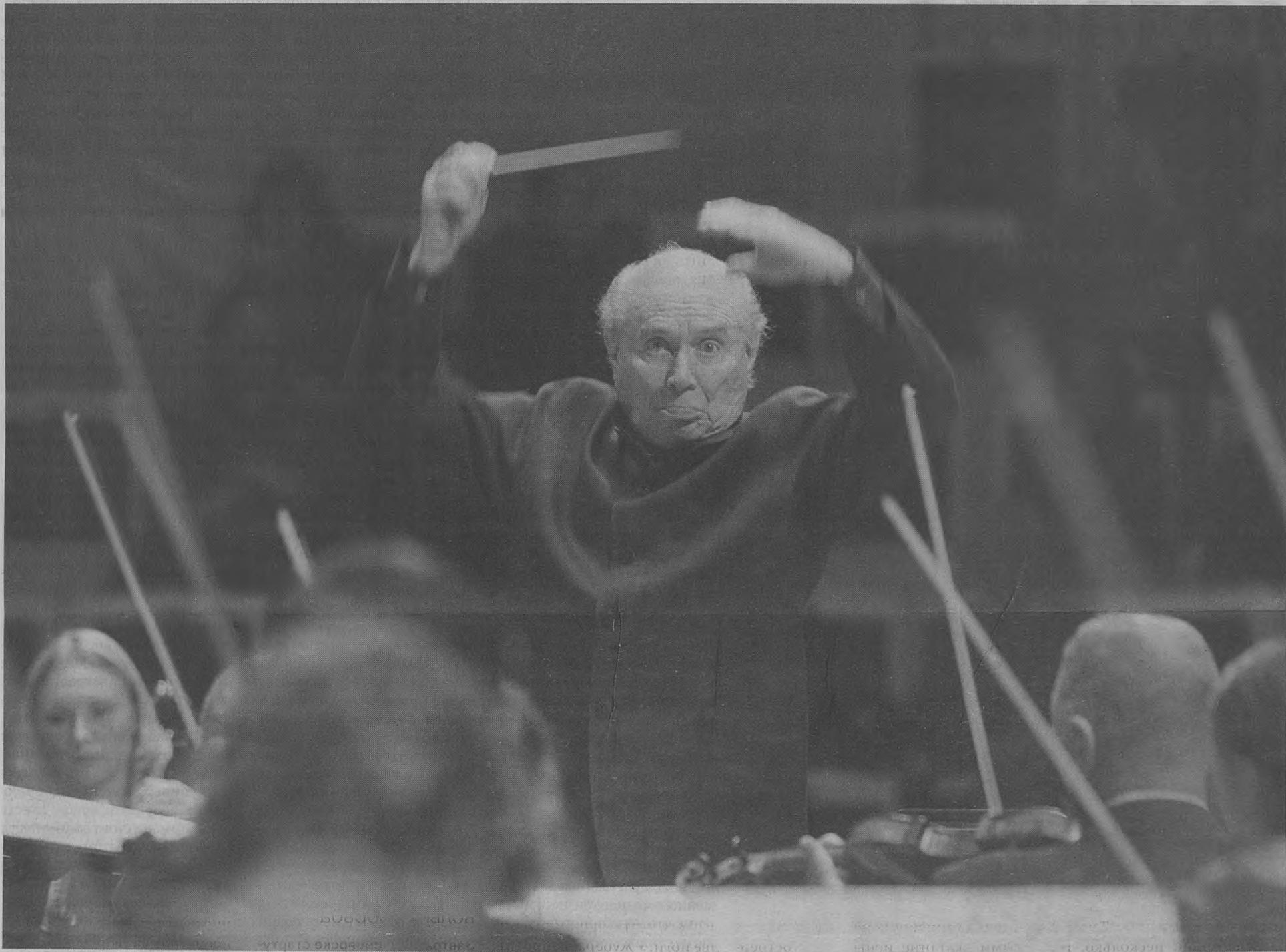

Просто Малер

Гари Бертини выступил в Москве

Коммерсантъ. - 2005. - 27 янв. - с. 22

гастроли музыка

Гари Бертини без страха взглянул в глаза всем трудностям малеровского дирижирования ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

В Концертном зале им. П. И. Чайковского Российский национальный оркестр представил публике первый концерт своего «Весеннего абонемента». Пятая симфония Густава Малера с маститым дирижером Гари Бертини за пультом показалась ВАРЕ ТУРОВОЙ одним из самых ярких событий сезона.

Гари Бертини в Москве еще не слышали. Это по-настоящему странно, ведь список достижений дирижера позволяет причислить его к настоящим звездам. Вот лишь некоторые из его заслуг: основатель и художественный руководитель Израильского камерного оркестра, главный приглашенный дирижер Шотландского национального оркестра, интendant Франкфуртской оперы, художественный руководитель Новой израильской оперы, музыкальный директор Римской оперы и Токийского симфонического оркестра. Помимо этого маэстро Бертини — один из ведущих израильских композиторов, что, впрочем, не удивляет, если посмотреть на список его учителей: там сразу два классика французской музыки XX века — Артур Онеггер и Оливье Мессиа.

Родившийся в Молдавии Гари Бертини вскоре переехал в Израиль, а музыке учился в лучших для этого местах — Парижской и Миланской консерваториях (композиция и дирижирование), а в Сорбонне — музыковедению. Он считается одним из лучших интерпретаторов музыки XX века. За постановку оперы «Воцек» Альбана Берга в 1998 году ему был присужден приз итальянских музыкальных критиков. А в 1997 и 2000 годах Гари Бертини получил гран-при французской музыкальной критики за постановки опер «Билли Бад» Бенджамина Бриттена и «Война и мир» Сергея Прокофьева. Но и к Малеру дирижер имеет самое непосредственное отношение: им записана целая серия малеровских CD.

Все это заранее настраивало на весьма оптимистический лад. Но реальность превзошла самые смелые ожидания. Первым делом обратили на себя внимание чисто технические моменты. Звучание скрипок было густым, но не перенасыщенным и без лишнего надрыва. Виолончели и контрабасы звучали мягко, пружинисто и глубоко. Соло арфы в четвертой части было отмен-

ным, а о духовиках вообще нужно сказать отдельно. Сложнейшие партии меди сыграны безупречно в техническом смысле и в высшей степени музыкально. Деревянные духовые не уступали ни в качестве, ни в эмоциональности. По идее такое качество игры оркестрантов должно быть необходимым минимумом для воплощения идей дирижера. Но поскольку среди отечественных оркестров подобная вымуштрованность почти не встречается, игра РНО в этот вечер поражала воображение.

Надо заметить, что идеи дирижера при этом были далеки от какой-либо экстравагантности или, скажем, особой духовности. В его интерпретации первый раздел симфонии, вопреки распространенному стереотипу и тексту программки, не «вводил нас в самую суть трагического конфликта». Он лишь намекал на этот конфликт, предоставляя слушателю необходимую степень свободы воображения, возможность додумать и домыслить. Скерцо стало лучшим моментом вечера, при том что вряд ли можно найти во всем малеровском наследии что-либо более сложное. Запутанная, то и дело слов-

но заметающая следы форма скерцо в версии Гари Бертини оказалась идеально простой, ясной, обаятельной, хоть и не лишенной необходимого у Малера гротеска. А самая знаменитая часть симфонии Adagietto после этого скерцо звучало будто в первый раз. Это даже невозможно было себе представить, что не будет в Adagietto ни томной неги, ни всепоглощающего пафоса, ни слезоточивой чувственности. Трудно было вообразить, что простота, нежность и сдержанность могут произвести гораздо более сильное впечатление. И поначалу даже казалось, что не хватает вот этих обычных для Adagietto разрываний рубашек на груди. И только после того, как отзвучал финал, выяснилось, что в каждом жесте и мысли Гари Бертини есть идеальное понимание формы симфонии плюс точный расчет. Громадный малеровский опус в его версии звучал очень просто, конкретно и понятно. Публике будто спокойным, вежливым тоном, с хорошей дикцией и безупречной интонацией объяснили все, что в версии многих других дирижеров казалось чрезвычайно сложным для понимания.